

Е.А. ВИШЛЕНКОВА, Л.В. ФОМИНА

ИДЕИ О «ЧИСТЫХ» И «СМЕШАННЫХ РУССКИХ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1760-х ГОДОВ

Империя, которой более тридцати лет управляла императрица Екатерина II, была гетерогенным образованием. Интенсивное растяжение пространства включило в российское подданство разнообразные группы жителей. Некоторые из них имели общее историческое прошлое, некоторые говорили на одном «наречии», других объединял только род занятий или место проживания. В русском языке для всех них имелось размытое по семантике определение «народ».

В Западной Европе до эпохи Просвещения подобный термин применялся преимущественно к не-европейцам. Тогда слова «народ» и «нация» допускали описание человеческого разнообразия без применения каких-либо классификаций и схем развития. Путешественники раннего Нового времени не испытывали потребности в различении не-европейцев, представляя их как нераздельное «бесконечное множество» наций Африки и Америки. К XVIII в. западный концепт «нация» начал отделяться от «этничности». Он стал увязываться с культурными качествами, отсутствующими вне Европы. Тогда же идея расы дала основания для деления людей по «природе», что низвело различия между не-европейцами до уровня тривиальности. А слово «племя» обрело коннотации априорной ущербности¹.

Однако пришедшие в Россию вместе с иностранными специалистами и переводной литературой термины «нация», «племя», «раса» в XVIII в. редко участвовали в коммуникациях отечественных элит. Даже привычным понятием «народ» в русском языке обозначали различные сущности: и этническое объединение («чувашский народ»), и гражданскую общность («власть и народ»), и социальное

¹ *Knight N. Ethnicity, Nationality and the Masses: 'Narodnost' and Modernity in Imperial Russia (forthcoming).*

состояние («черный или простой народ»)². История данных концептов непосредственно связана с изменениями в восприятии освоенного людьми пространства. К XVIII в. развитие экономических связей, географические открытия, приобретение заморских колоний, появление и распространение новых средств информационной коммуникации и технических знаний объединили Европу в единую «цивилизацию»³. Каждый её элемент выступал как часть системы, а стержнем оказывался Человек⁴. Получившие тогда развитие статистика и география создали каркас этой ментальной конструкции⁵.

Накопление сведений о живущих на земле реальных и фантастических сообществах поставило перед европейскими интеллектуалами несколько первоочередных задач: выработать единый язык их описания; систематизировать собранные данные, выявить рациональную (в противовес религиозно-мифологической) логику порождения многообразия⁶. В созданных ими вопросниках все человеческие существа были переопределены по двум критериям: как живые организмы и как локальные типы⁷. Полученные данные упорядочивались в научные классификации и встраивались в культурные иерархии. Последние стали основой для концепции европейской самости. В основе её лежало признание доминирования локализованной здесь «цивилизации» над окружающим миром «варварства».

Соблазн добиться устойчивого царствия (овладеть «искусством управления») привлек к участию в обсуждении данной темы политические элиты европейских государств. С точки зрения просвещенных монархов, многонародность легитимировала распад христианского мира на зоны — светские государства (что есть хорошо). Но, с другой стороны, она же и связанные с ней полилингвизм и конфес-

² *Idem*. From Entertainment to Artifact: The Study of Russian Folklore (1760–1820) (рукопись).

³ *Любезбринк Х.-Ю.* Цивилизация // Мир Просвещения: Исторический словарь / Ред. В. Ферроне и Д. Рош. М., 2003. С. 173–181.

⁴ Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 1. С. 56.

⁵ *Stagl J.* A History of Curiosity. The Theory of Travel 1550–1800. Chur, 1995.

⁶ *Frankel Ch.* The Faith of Reason: The Idea of Progress in the French Enlightenment. N.Y., 1948.

⁷ *Thomas N.* Colonialism's Culture. Anthropology, Travel and Government. L., 1994.

сиональная гетерогенность осложнили и ослабили государственную стабильность (что плохо). Эта противоречивость породила желание формировать европейские общности на новых основаниях — сплавления народы империй в государственные нации.

В середине XVIII в. западноевропейские монархи уверенно заговорили о французских интересах, испанском темпераменте, о британской сдержанности, позиционировали себя выразителями интересов нации. При отсутствии чувства общеимперской солидарности у обитателей России, Екатерине II было трудно апеллировать к подобным ценностям. Правда, с момента восшествия на трон она постоянно заявляла о себе как о *русской* императрице, что позволяло легитимировать претензию на престол. Однако такая репрезентация не сняла проблему дискретности страны. К тому же русская идентификация верховной власти не имела этнических оснований. При наличии у тех, кто называл себя «русскими» или «русаками», разных вариантов костюма, региональных диалектов, социальных различий было совершенно непонятно, кого и на каких основаниях следует относить к собственно «русским».

Все годы своего правления императрица трудилась над созданием символического единства подданных. На это были ориентированы академические экспедиции; издаваемые в Гравюрной мастерской листы «костюмного жанра» (с изображениями народных типов); монаршие путешествия в Поволжье, Крым, Остзейский край; заслушивание народных представителей в Комиссии уложения законов. Все они поставляли в Петербург знания о населении. Их источники, способы сбора, предназначение обеспечили неоднородность и фрагментарность собранных сведений. Вместе с эмпирическим опытом наблюдений они вобрали в себя этнические стереотипы, слухи, бытовые представления, включали произвольные и случайные впечатления. Впоследствии всё это стало основой для опытов Екатерины Великой по социальной инженерии, для ее идентификационных экспериментов.

В 1769 г. императрица приступила к изданию журнала «Всякая всячина», который появлялся в домах читателей еженедельно по пятницам. Его общий тираж составлял 1000 экземпляров, что позволяло охватить почти всю читающую аудиторию страны. В историографии данное издание рассматривалась, в основном, в контексте

конфронтации Екатерины II с новиковским «Трутнем», их спорами о назначении и формах сатиры⁸. Нас данный журнал интересует как репрезентация «народного» имиджа Российской империи и площадка для обсуждения проблемы «русскости»⁹.

Образцом для «Всякой Всячины» стал популярный английский журнал “Spectator”, издававшийся Дж. Аддисоном и Р. Стилем в 1711–1712 годах¹⁰. Он публиковал эссе на нравоучительные темы, высмеивающие современные пороки и утверждавшие желаемые образцы поведения. По форме публикации представлялись в виде корреспонденции, якобы приходившей на имя «господина сочинителя», что позволяло создать эффект многоголосия и тем самым объективировать поставляемую информацию. В данной коммуникативной ситуации издатель присваивал себе роль комментатора, советчика или третейского судьи, то есть занимал позицию внешнего наблюдателя и просветителя.

Имитируя диалог с многоликими подданными, Екатерина II публиковала их письма. Согласно идентификационным подписям в журнал «писали» татары (крымские, «тамошние», касимовские), камчадал, немец, «венецянин», голландец, грузин, «русак», «запорожец», «сармат», славянин, француз, турок. Их присутствие в столичном издании порождало эффект «народной пьесы», что соответствовало театрализованному типу культуры второй половины XVIII века. Ю.М. Лотман показал, что тогда театр был не столько развлечением, сколько способом управления реальностью, средством её ненасильственного изменения¹¹. К тому же, в отличие от европейского общества, где театр соединял мир фантазии и реальность, в России он имел дополнительное политическое значение. Здесь на сценических подмостках вступали в противоборство элитарная

⁸ Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М.-Л., 1952; Западов А.В. Русская журналистика XVIII века. М., 1964; Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 2003; Татиринова Л.Е. Русская литература и журналистика XVIII века. М., 2001.

⁹ Данный термин используется в качестве аналитической категории, сфокусированной на идентификационных признаках русской этничности.

¹⁰ Солнцев В. «Всякая Всячина» и «Спектатор» // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 1. Отд. II. С. 136.

¹¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПб., 2001.

культура, ассоциируемая с «европейскостью» («прогрессом»), и традиционная, понимаемая как локальная и архаичная. Театр предлагал российскому дворянину образцовые модели жизни. Благодаря ему, «изменение себя» (декларируемое как «самоусовершенствование») стало осознаваться как политическая и социальная задача.

Подобно тому, как люди екатерининской эпохи в бытовой жизни разыгрывали персонажей известных пьес и любимых романов, издатель «Всякой Всячины» одевал на себя маски народов и говорил приписанными им монологами. Помимо прочего, «переодевание» позволяло завуалировать назидательно-дидактический замысел. Данный прием имел не только игровой эффект, но и мировоззренческие последствия. Для успешного перевоплощения Екатерине II предстояло либо опереться на уже имеющиеся представления о «характерных чертах» народа, либо создать их для своего читателя. В любом случае от неё требовалась аналитическая процедура типизации имеющихся этнографических данных.

На страницах журнала императрица размышляла и фантазировала на тему «русскости» и «нерусскости» сама и задавала вектор таких дум у соотечественников. По всей видимости, потребность в этом порождалась неприменимостью к народам Российской империи разработанных западными интеллектуалами культурных иерархий и границ. Декларативное отнесение России к Европе, а значит к миру цивилизации, не сняло проблемы наличия в её составе кочевых и мусульманских («восточных») народов. Это было весьма уязвимое место в российской репрезентации. В сходной ситуации предшественница Екатерины Великой, Елизавета Алексеевна склонялась к довольно простому решению — превратить неоднородных в социальном и этническом отношении подданных в единых «идеальных» россиян¹². Реконструировать контуры этого намерения можно на основании изучения не только ритуального поведения¹³, но и поощряемых верховной властью изданий. Так, в 1761 г. в России вышел

¹² Gleason W.J. Moral idealists, bureaucracy and Catherine the Great. New Brunswick, N.J., 1981. С. 90-92, 96-98; Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. Т. 1. М., 2002. С. 182.

¹³ Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1-2. Princeton, 1995–2000.

перевод сочинения Лозна «Изображение совершенного человека». Автор назвал своё творение Мелинт. Он «изрядного росту: все его члены совершенно пропорциональны, он статен телом, крепок, проворен, и способен ко всем телесным экзерцициям. Ухватки его натуральные, позитуры непринужденныя, и во всем, что он не делает, находится некоторая пристойность, которая дела его еще больше украшает... Что касается до внутренних свойств его духа, то в Мелинте нет ничего скрытаго и ничего сомнительного. Он показывает себя во всех делах равно честным, равно добродетельным... Он живет, будучи доволен своим состоянием». Предполагалось, что Мелинт станет российской реальностью, потому как «является на нем столь благородный дух, что как скоро кто его увидит, тотчас его и любить должен»¹⁴. А если любить, то, следовательно, и подражать.

Как и герои переводных пьес, елизаветинский идеальный подданный не имел не только потребностей, но и связи с живыми людьми, проживающими в России. Екатерина II творила не российского Мелинта, а идеального «русского» (или «европейского русского»), причем не на основе абстрактных мечтаний, а из имеющегося многонародного материала. На страницах «Всякой всячины» он показан через галерею этнических типажей, каждый из которых демонстрировал читателю присущие его народу странные «обычаи и нравы». «Родом я камчадал, — представлялся Аришлай Шуши. — У нас хлеба почти вовсе не знают, мы кормимся одною гнилою рыбою, все прочие кушания не допльно имеют остроты для нас. В юртах же наших мы наблюдаем великий порядок: тамо вы не увидите вместе брошенной оловянной посуды и пуховины или собачьи своры да конфектов, но всякая вещь имеет свой угол и хотя места и немного, все однако же порядочно поставлено и положено»¹⁵. «Я, сударь, Запорожец, — знакомился с читателем новый персонаж, — мы живем так, как бы некоторого рода монахи, у нас нет ни одного козака женатого, по чему и ни одной женщины во всей Сечи не сыщешь; обычаи наши столь строги, что велят казнить того, кто женится»¹⁶. «Родился я в Сибири близ реки Иртыша, — представлялся Ибрагим

¹⁴ Изображение совершенного человека / Пер. соч. Лозна // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1761, июль. С. 180.

¹⁵ Всякая Всячина. <СПб>, 1769. Лист № 12. С. 37.

¹⁶ Там же. Лист № 124. С. 329.

Курмамедов, — Предки мои тамошние Татары, так по ним и я стал не Русак»¹⁷. И хотя выучился русскому языку и грамоте, «не могу забыть обычая своих одноземцов, которые хотя и грубы, однако совестны»¹⁸. Во всех этих представлениях издатель осуществлял одну и ту же процедуру: экзотизировал называемый народ через отрицание в нём признанных обязательными для цивилизованного народа свойств (оседлости, семейных ценностей, гигиенических норм, грамотности, гуманности, правдивости или иных).

Создание, а значит выделение, желаемого подданного потребовало от издательницы онтологизации отличий «русскости» от «нерусскости», ее типизации и идеализации. Предполагалось, что экстрагированная модель будет служить преобразовательным целям, поскольку, ориентируясь на нее, можно будет создавать «новую породу» людей. «Человек обладает некоей неизменной природой, от которой зависят присущие ему качества, — уверяла читателей императрица, выдавая знакомство с современными расовыми теориями, — но он зависит и от среды, и потому подлежит совершенствованию посредством воспитания. Он зависит от своей природы, но если эту природу исследовать, то на нее можно сознательно воздействовать»¹⁹. Здесь явно содержится просветительский пафос, провозгласивший миссию цивилизованных народов сокращать пространство варварства. К задаче изучать «народную природу», «национальный характер», «нравы и обычаи» обитателей императрица возвращалась вновь и вновь, вкладывая эту мысль в уста разных корреспондентов. «Живучи во свете, я старался с молодых лет узнать обычаи и нравы разных областей и потом сравнивать оные дабы их начало спознать», — представлялся Евдоким Примечаев²⁰. Быть внимательным и любопытным, *примечать* народы стало государственным делом.

Екатерина II рассматривала искомую «русскость» как своего рода культуру чувств (любовь к России, благодарность ей), не замыкая творимое понятие в границах какой-либо определенной группы. Это иллюстрирует письмо, подписанное псевдонимом «Смесь».

¹⁷ Там же. Лист № 26. С. 75.

¹⁸ Там же. С. 76.

¹⁹ *Резвых П.В.* Просвещение // Культурология. Энциклопедия. М., 2007. Т. II. С. 303.

²⁰ Всякая Всячина. <СПб>, 1769. Лист № 11. С. 35.

«Я, — признавался автор, — иначе не мог себя назвать, понеже прапрадед мой был Венецианин, потомки его Голландцы, мать моя Грузинка, а я Русак»²¹. Обычно по отношению к таким людям в русском языке XVIII века использовалось определение «смешанный ублюдок»²². Оно соответствовало профанному представлению о народе как о замкнутом и стабильном образовании, характерным и устойчивым признаком которого является «чистота крови». Считалось, что её смешение с кровью другого народа образует «нечистые» типы («выродков» или «перерожденцев»), отторгаемых общиной.

С древних времен понятия «чистоты» и «загрязнения» (оно же «осквернение») были обязательными элементами конфессиональных дискурсов. Благодаря им обеспечивался контроль над сферой интимной и частной жизни, а также регулирование границ группы. Риторика «чистоты» участвовала в насаждении норм жизни, конструировании социального порядка и стабильности. С V в. средневековая Европа исповедовала культ «чистоты сердца», подразумевающий самоконтроль и контроль извне над мыслями и желаниями. Со ссылками на евангельские пророчества Иоанна, христианские богословы утверждали: «Быть чистым значит желать одного и того же». Толкование к нему разъясняло: «если мы хотим разных вещей, то станем изменчивыми, двойственными и неустойчивыми, что есть ни что иное, как нечистота»²³. В такой стратегии порождения смыслов и сообществ единоверцев М.Фуко увидел способ избавления от власти «другого», возможность установить культурные границы в гетерогенном мире²⁴.

В эпоху Просвещения термины «чистота» и «загрязнение» были увязаны с концептами чести, морали и достоинства. Тогда же антропологическая мысль заменила христианское понятие «чистота сердца» на расовое «чистота крови», сохранив за ним часть предшествующей семантики. В результате «чистые» сообщества должны

²¹ Там же. Лист № 19. С. 55.

²² *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1914. С. 912.

²³ *Mullin A.* Purity and Pollution: Resisting the Rehabilitation of a Virtue // *Journal of the History of Ideas.* Vol. 57. № 3 (Jul., 1996). P. 521.

²⁴ *Foucault M.* The Battle for Chastity // *Politics, Philosophy, Culture* / Ed. L.D. Kritzman. N.Y., 1988. P. 239-240.

были не только обладать единым антропологическим типом, но и общностью мыслей и чувств. Использование концепта «чистоты» продолжало служить унификации и стабилизации. А вот «загрязнение», согласно М. Дуглас, осознается как угроза лишь там, где линии структуры определены довольно четко²⁵. Видимо, в связи с тем, что в России 1760-х гг. социальные границы еще не были жестко установлены, потребность в «чистоте» и враждебность к гетерогенности не обрели социальной значимости. Рисуя образ Российской империи как живого динамичного образования, Екатерина II реабилитировала дискриминируемую категорию «смешанных ублюдков», включив её в создаваемое сообщество «русских подданных».

Анализ дискурса «Всякой всячины» убеждает в том, что в представлении императрицы быть «чистым русским» значило преодолеть в себе накопленную веками «нерусскость», которая, вероятно, была для неё амбивалентным субстратом. С одной стороны, она служила синонимом «варварства», а с другой — культурной гетерогенности. Именно поэтому не каждый «русак» мог быть отнесен к желаемым Екатерина II подданным, что она дала ясно понять в ряде писем. А устами Примечаева разделила русские нравы на хорошие («природно российские», т.е. «чистые») и дурные («суть татарские», доставшиеся от «старинных злодеев наших крымских татар»)²⁶.

Ю.В. Стенник считает, что в данном случае императрица ссылалась на военных противников России, выступавших на стороне Османской империи²⁷. Конечно, в России второй половины XVIII в. татары имели амбивалентный статус «своего чужого» народа. Локальные группы «казанских», «бурятских», «томских» и «касимовских» татар входили в российское подданство, а вот «крымские татары» были конфликтными соседями. В этой противоречивой ситуации императрице было не просто найти верную тональность в рассуждениях на тему «татарскости». Однако мы полагаем, что в данной публикации для неё был важен не столько пафос дегуманизации врага, сколько онтологизация «нерусскости».

²⁵ Douglas M. Purity and Danger. An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. London, 1966. P. 51.

²⁶ Всякая Всячина. <СПб>, 1769. Лист № 11. С. 35.

²⁷ Стенник Ю.В. Полемика о национальном характере в журналах 1760–1780-х годов // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 85-95.

Дело в том, что бытовые представления жителей Европы о людях, населяющих северо-восточные земли, были замешаны на фантазии античных писателей и средневековой космологии. Помпоний Мела писал о свирепости скифов — народов, живущих к северу от греков, описывал их обычай поедать тела умерших родителей, рассказывал, что «агафирсы расписывают лицо и все тело несмыаемыми знаками»²⁸. О сарматах древние греки сообщали следующее: «это воинственный, вольный, необузданный и до такой степени дикий и суровый народ, что даже женщины у них принимают участие в войне... Достигшие зрелости девушки обязаны убить врага»²⁹. Фантазия древних географов населяла неведомые земли причудливыми существами — поедателями вшей, людьми с козлиными ногами, амазонками, бессмертными существами, людьми с песьими головами, народом, питающимся паром³⁰. Средневековое христианство добавило в эти миры новых персонажей. Согласно библейской мифологии, на север от Каспийского моря ушли исчезнувшие поколения Израиля — свирепые народы Гога и Магога. О том, что вера в это была действенной, свидетельствуют еврейские погромы, прокатившиеся по Европе после появления там монгольских кочевников. Считалось, что евреи призвали родственные орды на гибель христианам.

Соответственно, рискнувшие в XVIII в. на путешествие авантюристы стремились найти в России то, что уже знали о её народах. Реконструировав профанные представления европейцев, Ларри Вульф признал: «В XVIII веке “Татарией” называли обширную и географически не очень четко представимую территорию, простиравшуюся от Крыма до Сибири... Само слово “татары” придавало привкус варварства областям, гораздо более обширным и аморфным, чем собственно “Татария”. “Татары” встречались каждому, кто проезжал через Восточную Европу»³¹. Из записок путешественников читатель нередко выносил заключение, что русские (они же россия-

²⁸ *Фоменко И.К.* Скифия-Тартария-Московия-Россия — взгляд из Европы. Россия на старинных картах. М., 2008. С. 30-31.

²⁹ Там же. С. 31.

³⁰ *Эдельман О.* Родина амазонок и страны Бегемот // Пушкин: русский журнал о книгах. 2009. № 2. С. 144.

³¹ *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 81-82.

не) только внешне похожи на европейцев, но если «поскрести любого русского, то обнаружишь там татарина». В данном контексте имелись в виду не какие-либо определенные этнические признаки, а скорее условная «неевропейскость» или «варварство».

Поначалу екатерининский журнал развивал эту идею. На его страницах «татарин» приручен (он — слуга), но продолжает воплощать «дикость»: «говорит, что он только бы желал, чтоб позволено было за всякую ложь плевати в рожу, или обмарати грязью того, кто лжет... Скажут, что сие наказание невежливо и нечистоплотно. Но он подтверждает, что оно по естеству преступления; ибо ложь есть осквернение души. Сколько же заплеванных рож было бы, если бы мой Татарин был законодавец!»³².

Далее императрица приступила к описанию искореняемых в русских людях варварских нравов. В одном из писем она даже призналась, что составила «ропись татарских обычаев», усвоенных русскими. Некоторые из них императрица обсуждала в «приходящих в редакцию» письмах. Например, по просьбе читательницы Хрипухиной она выясняла исторические истоки «обычая не сдержатъ данного слова». Ответ на вопрос гласил: «не сдержатъ данного обещания есть обычай по сообщенной нам росписи, о коей упоминается под числом 11, Всякой Всячины, Крымских Татар: а старинный российский есть, сдержатъ данное слово, дабы не стыдно было тут же изъятия нет, в безделице ли, или в важном деле; ибо обман все есть обман»³³. На вопрос Ефима Трудолобцева редакция отвечала, что обычаи «стыдиться иметь жену» и «показаться вместе с женою в людях» тоже чуждого для русских происхождения. Первый пришел на Русь от татар, а второй от французов. «Праотцы наши любили жен своих как самих себя»³⁴.

Вероятно, проведенный водораздел между «русскими» и «нерусскими» народами позволял Екатерине II представить верховную власть в качестве цивилизатора собственной страны. При этом «полученные» письма выполняли функцию пробного шара, запущенного для обсуждения. Их публикация давала Екатерине II возможность безопасно для себя выявлять «общее мнение» российских элит по

³² Всякая Всячина. <СПб>, 1769. Лист № 69. С. 181.

³³ Там же. Лист № 16. С. 47.

³⁴ Там же. Лист № 113. С. 301.

«щекотливым» вопросам. По-видимому, собственную интерпретацию данной темы императрица создавала на основе публицистического опыта, чутко прислушиваясь к реакции на свои слова читателей.

В ответ на её попытку вывести российских татар за пределы цивилизации и «русскости» журнал Михаила Чулкова «И то и се» опубликовал опровержение — «Противоречие г. Примечаеву». Историки журналистики полагают, что его автором был поэт и драматург А.П. Сумароков. Как следует из текста послания, аргументы автора основывались как на опыте личных наблюдений («верьте на слово»), так и на современных историко-антропологических исследованиях. Опровергая западное представление о татарах как воинственном и негуманном народе, он ставил под сомнение сам принцип этнической типизации на основе отдельных казусов: «жестокосердные люди во всех народах сыскиваются...»³⁵. Похоже, что свои рассуждения на данную тему Сумароков встраивал не в цивилизационный дискурс (и связанную с ним линнеевскую классификацию человеческих видов или рас), а выводил из концепции многообразия народных культур. Возможно, что ему были известны труды на эту тему неаполитанского мыслителя Джамбаттиста Вико (1668–1744)³⁶.

Что касается рассуждений императрицы о порочном смешении «кровей» и «нравов» в русских людях, оппонент сослался на сложный этногенез всех европейских народов. А в претендующих на цивилизационное первенство французах он и вовсе видел присутствие варварского «скифского следа». Аналогично им, «остатки худобы в нашем народе, — уверял он Екатерину II, — от Сарматов, смешившихся со Славянами, когда Славяне их завоевали и покорили. Славяне сами суть отрасли Цельтов соплеменников Скифам»³⁷.

Аргументация оппонентов Екатерины II опиралась на отечественные представления о русской генеалогии и ее связи с легендарными сарматами. Она была впервые установлена в середине XVII в. киевскими учеными монахами. П. Бушкович полагает, что утверждение такого континуитета стимулировало появление русского эт-

³⁵ И то и сио. <СПб>, 1769, февраль, шестая неделя, [С. 18].

³⁶ Дианова В.М. Концепция циклического развития культуры Джамбаттисты Вико и ее последователи // *Studia culturae*. Вып. 2. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 43-44.

³⁷ И то и сио. <СПб>, 1769, февраль, шестая неделя, [С. 17-18].

нического воображения: «Симеон [Полоцкий] привносит в русскую культуру польское учение о древних сарматах как предках славян. Сарматская тема принесла с собой не только экзотическое для русских название античного племени, но совершенно новый “этнический” момент. Наряду с русским православием, царем и династией, правящей определенной территорией, Симеон вводит “нацию” — славян и их предков»³⁸.

Но еще более сильным аргументом чулковской редакции против западноевропейской цивилизационной концепции было наличие в среде отечественных элит знати татарского происхождения. Это обстоятельство стимулировало их стремление опровергнуть западные предубеждения. По всей видимости, такая потребность воспринималась как часть работы над российской идентичностью. Ссылаясь на исторические свидетельства, журнал М. Чулкова доказывал «истиннолюбие и геройство» как народное свойство татар. «Татары, не только благородные, но и остатки нижайших их отраслей суть люди добрые: а народы их в добродетели всегда были отличны; и тако нравы их не могли нас ни каким заразить худом»³⁹. Для усиления убедительности, в следующем выпуске издатель поместил письмо некоего Елисея Прямякова «из рода Татарского», но относящего себя к «русским» народам. Он заверял соотечественников, что татары «суть истиннолюбы, справедливы во всем, и хранят добродетели тщательно, по начальному на том основанию»⁴⁰.

После этих публикаций императрица стала осторожнее в разоблачениях татарского влияния и отказалась от намерения трактовать «татарскость» как аналог «варварства». От лица читателя Стоикова из Касимова, издательница призналась: «Сколько у нас есть Выезжих князей и знатей Татарских, кои здесь в великие произошли достоинства; они их получили не по худым природным им обычаям и нравам, но по благородным и добрым»⁴¹. Более того, она откорректировала собственную версию происхождения русского народа и его обычаев. Императрица согласилась, что русские — это смесь славян

³⁸ Бушкович П. Православная церковь и русское национальное самосознание XVI–XVII вв. / П. Бушкович // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 112–113.

³⁹ И то и сио. <СПб>, 1769, февраль, шестая неделя, [С. 17].

⁴⁰ И то и сио. <СПб>, 1769, февраль, осьмая неделя, [С. 33–34].

⁴¹ Всякая Всячина. <СПб>, 1769. Лист № 132. С. 351.

и сарматов, соответственно «сии худые обычаи и нравы от них в наследие нам достались»⁴². Таким образом, если уж в ходе самоусовершенствования и просвещения и предстояло что-то искоренять, то это «сарматскость». Помимо корректности к влиятельным и многочисленным подданным, данная версия давала верховной власти возможность установить родовую связь «природных русских» с восточно-европейскими славянами.

После проведенного обсуждения императрица получила для использования согласованный с элитами концепт «русские», который подразумевал коллективный субъект, собранный из цивилизованных народов, «чистых сердцем», то есть любящих Россию. Теперь просвещенная монархиня заявила, что стать им может любой, принявший русскую письменность и верноподданство. Журнал проиллюстрировал это письмами от «азиатки»⁴³ и «русского немца». «Я серебряник, — признавался последний, — хотя не здесь родился, я Русь люблю. Не один я немец кого она кормит, дай Бог чтоб все к ней ту же благодарность чувствовали»⁴⁴.

В пользу того, что в 1770-е гг. данная версия стала официальной, свидетельствует альбом гравюр костюмного жанра, изданный Ж.-Б. Лепренсом⁴⁵. Он не может быть истолкован как результат индивидуального видения художника. Императрица тщательно отбирала, *что* можно и нужно видеть современникам в её империи. Она лично решала, какие рисунки могут быть отгравированы и запущены в продажу. Описывая её путешествия по стране, Р. Уортман подметил избирательное отношение монархини к реальности: «Всё, что не нравилось ей, следовало устранить из поля зрения»⁴⁶. Екатерина II явно хотела определенной художественной проекции империи и верила, что внешне привлекательная утопия может стать реальностью.

Но поскольку эстетические понятия, в том числе «красота», не являются безусловными и константными, императрице предстояло добиться соглашений и по этому поводу. Екатерина II стала утвер-

⁴² Там же. С. 352.

⁴³ Всякая Всячина. <СПб>, 1769. Лист № 84. С. 219.

⁴⁴ Там же. Лист № 13. С. 38-39.

⁴⁵ Брук Я. В. У истоков русского жанра. М., 1990.

⁴⁶ Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. Т. 1. М., 2002. С. 191.

ждать новую модель красоты и достоинства. В ее понимании, благородный человек (в отличие от «подлого») связан самоограничениями: он обладает физическим изяществом, духовной утонченностью и интеллектуальной цивилизованностью⁴⁷. В связи с этим в бытописательской графике появились образы молодых, веселых, опрятных, с хорошими манерами подданных «сельского состояния». Визуализация идеального подданного подразумевала показ здорового стройного тела как проявления чистоты и здоровья души.

Таковыми «русские» предстают в рисунках Ж. Лепренса. В его сюжете они не воспринимаются ни символом занятия, ни условным каркасом для этнографической одежды. Более того, с точки зрения физической антропологии и даже особенностей костюма они напоминают персонажей соответствующих европейских стран — голландских пейзажей, французских аристократов, немецких бюргеров и т.д. Только в отличие от них, его «русские» — это субъекты жизни Российской империи. Взятые из разных социальных слоев, из разных локальных групп (в альбомах присутствуют образы «польского янычара», «финской женщины», «чувашки», «мордовки», «татар») они живут по особым, «русским» правилам — играют в салочки, скорбят на похоронах, дерутся на кулаках, воюют с соседями, моются в бане, пляшут на празднике, пьянствуют в кабаке. Своими типажам Лепренс как бы убеждал зрителя: «Все эти такие разные люди — русские, потому что они живут по-русски». находка французского художника состояла в том, что русские народы империи представлены как общность, образованная совместными нравами и обычаями.

Вопрос об «этнографизме» (документальной точности) лепренсовских типажей остается открытым в искусствоведении⁴⁸. По всей видимости, подобно театральному декоратору художник ощущал себя создателем сценических костюмов и реквизитов. Он использовал этнографические сведения для придания персонажу узнаваемости, но чувствовал себя свободным творцом в деталях. Благодаря

⁴⁷ Там же. С. 181-182.

⁴⁸ Соловьев Н. Русская книжная иллюстрация XVIII века // Старые годы. 1907, июль-сентябрь. С. 424; Кузьминский К.С. Русская реалистическая иллюстрация XVIII и XIX вв. М., 1937. С. 29; Гончарова Н.Н. Е.М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века. М., 1987. С. 78; Пожарова М.А. «Представь мне щеголя...»: Мода и костюм в России в гравюре XVIII века. М., 2002. С. 7.

ему верховная власть получила графический образ желаемой реальности и воспользовалась им для управления ею. По указанию императрицы придворные дамы оделись в «русское платье», изготовленное по лепренсовским гравюрам: белое атласное платье, одетое под красную бархатную мантию с длинным шлейфом. Его носили с кошником из красного сукна и золота, часто усыпанным драгоценными камнями⁴⁹. Его условность была очевидна для современников. Один из них писал: «Женщины Придворные одеваются в так называемое Русское платье, но оно весьма мало отвечает сему наименованию, и есть паче отточенного Европейского вкуса; ибо и самый вид онаго больше на вид Польского похож»⁵⁰. Тем не менее, оно стало символом «русскости».

Получив вербальный концепт и его визуальное воплощение, императрица, наконец, обрела возможность ссылаться на единые «русские» интересы и представлять себя в качестве их выразителя.

⁴⁹ Корф М.А. Из записок барона М.А. Корфа // Русская Старина. 1897. Т. 99. Кн. 8. С. 294-295; Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. Т. 2. СПб., 1900. С. 43.

⁵⁰ Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов из житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 1-4. СПб., 1799. Ч. 4. С. 129.